

На правах рукописи

Аристова Анастасия Станиславовна

**КНИГА М.А. ВОЛОШИНА «НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА»: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ
И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО КОММЕНТАРИЯ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

10.01.01 - Русская литература

Москва-2018

Актуальность темы исследования

В поэзии начала XX века актуализируются жанровые образования, имеющие ансамблевое строение, – лирический цикл и книга стихов. Эти формы противопоставляются собраниям случайных стихотворений, которые можно читать и переставлять произвольно, как целостный текст с тщательно продуманной структурой, где каждое отдельное стихотворение вписывается в макросюжет цикла или книги и является звеном в его развитии. На особенность книги стихов и лирического цикла как формы нового типа, принципиально отличающейся от сборников разрозненных стихотворений, впервые указал В.Я. Брюсов в предисловии к книге «Urbi et orbi»: «Книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связанного рассуждения. Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно»¹. По мнению А. Пайман, мысль о том, что «короткие лирические стихотворения могут располагаться таким образом, чтобы быть воспринятыми как единое целое», была подсказана символистам работой князя А.И. Урусова «О скрытой архитектуре “Цветов зла” Ш. Бодлера», после выхода которой «лирические стихотворения чаще всего группировались циклами, а на поэму начали смотреть скорее как на архитектурное или симфоническое произведение, а не повествование в стихах»². Это позволяло включать в нее части, разные по размеру и значимости, а также допускало всевозможные формальные вариации (метрики, системы рифмовки) в рамках общей конструкции»³. Таким образом, лирический цикл и книга стихов в поэзии начала XX века представляют новое жанровое образование, целостность которого создается различными циклическими связями (образами-лейтмотивами, сквозными сюжетами) между самостоятельными автономными произведениями.

О том, что символисты и поэты околосимволистского круга мыслили не отдельными стихотворениями, а циклами и книгами стихов, писали многие исследователи. Проблема циклизации и книгообразования достаточно хорошо проработана в современном литературоведении. Настоящее диссертационное

¹ Брюсов В.Я. *Urbi et orbi*. – М.: Скорпион, 1903. – С. 5.

² См. также: Grossman J. *Valery Bryusov and the Riddle of Russian Decadence*. – University of California. First Edition, 1985. – P. 63-65.

³ Пайман А. *История русского символизма*. – М., 1998. – С. 62.

исследование посвящено анализу книги стихов М.А. Волошина «Неопалимая Купина». В работе планируется проанализировать книгу стихов «Неопалимая Купина» как «большую форму» нового типа. В современном литературоведении существует ряд работ, посвященных проблеме циклизации в творчестве М.А. Волошина. Анализ своеобразия книги стихов «Путями Каина» как пример экспериментаторства с различными жанровыми структурами, а также как фактор моделирования мира, попытка преодоления его духовного и физического распада «через интуитивно-творческое и художественно-целостное познание истории» предпринимается в работе П.Г. Опарина «Книга М.А. Волошина “Путями Каина” в литературном контексте первой трети XX века: историософия и поэтика»⁴, анализу отдельных стихотворных циклов Волошина посвящены работы Р. Вроона⁵, И.А. Есаулова⁶, Г.В. Петровой⁷, Н.В. Сухоруковой⁸, С.Д. Титаренко⁹, В.А. Компаниец¹⁰, Е.И. Нижегородовой¹¹, В.В. Палачевой¹², Т.В. Хорошавиной¹³, О.А. Басиной¹⁴. Однако в указанных работах отсутствует целостный анализ книги стихов Волошина «Неопалимая Купина».

⁴ Опарин П.Г. Книга М.А. Волошина “Путями Каина” в литературном контексте первой трети XX века: историософия и поэтика: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Киров, 2005.

⁵ Вроон Р. Лирический цикл. Теория литературы. Произведение. – М.: ИМЛИ РАН: 2011. – Т. II. – С. 126 -159. Vroon R. Cycle and History: Maximilian Voloshin's “Puti Rossii” // Scando-slavica. – Munksgaard, Copenhagen, 1985. – Tomus 31. – P. 55-73.

⁶ Есаулов И.А. Родное и вселенское в сб. стихов М. Волошина «Демоны глухонемые» // Дискурс № 5/6, 1998. – Новосибирск: Лаборатория, 1997. – С. 96-98.

⁷ Петрова Г.В. Художественные аллюзии в книге стихов М.А. Волошина «Anno mundi ardentis 1915» // Эпоха символизма. Встреча литературы и искусства. – М., 2016. – С. 175-193

⁸ Сухорукова Н.В. Поэтика циклических форм в книге М.А. Волошина «Годы странствий»: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Ростов-на-Дону, 2006.

⁹ Титаренко С.Д. «Крымские сонеты» А. Мицкевича и «Киммерийские сумерки» М. Волошина: соотношение художественных систем и поэтика цикла // Проблемы литературных жанров: Материалы 6 науч. межвуз. конференции (7-9 дек.1988 г.) / Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. – Томск : Изд-во ТГУ, 1990. – С. 55-56.

¹⁰ Компаниец В.А. Грамматический повтор как композиционный прием в «Corona Astralis» М. Волошина // Средства речи в функциональном аспекте. – Тула, 1991. – С. 225-231. Компаниец В.А. Опыт лингвистического толкования цикла М. Волошина ««Corona Astralis» // Средства языка в функциональном аспекте. – Тула, 1991. – С. 29-34. Компаниец В.А. Тема России в цикле М. Волошина «Демоны глухонемые» и её связи с библейским мифом // Единицы восточнославянских языков: структура, семантика, функция: Межвузовский сборник трудов. – Тула, 1992. – С. 207-215.

¹¹ Нижегородовая Е.И. Композиционно-речевая организация макротекста первой книги стихов М. Волошина: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Воронеж, 1996.

¹² Палачева В.В. Поэма «Путями Каина» в контексте культурфилософских исканий М.А. Волошина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Магнитогорск, 2000.

¹³ Хорошавина Т.В. Книги М.А. Волошина "Стихотворения 1900-1910" и "Selva oscura" как лирическая диалогия: автореф. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. – Уссурийск, 2011.

¹⁴ Басина О.А. Своеобразие и жанровая специфика книги стихов М.А. Волошина «Неопалимая купина» // Известия ДГПУ. – 2016. – Т. 10. – № 3. – С. 41-44.

Проблема циклообразования в творчестве Волошина уже ставилась рядом исследователей, но на другом поэтическом материале. Таким образом, попытка целостного анализа книги «Неопалимая Купина» предпринимается впервые, этим определяется **научная новизна работы**. Во-первых, выполнен анализ композиции книги, изучена структурообразующая роль заглавия, проанализированы произведения, стоящие в начале и в конце книги и определяющие ее кольцевую композицию, предпринята попытка изучения субъектной организации произведений книги, сделана классификация лирических субъектов. Во-вторых, проведен анализ мотивно-образной структуры книги, что позволило выделить ведущие, сквозные сюжеты и образы, на которых зиждется целостность этого сложного жанрового образования.

Создание книг стихов с продуманной композицией играло важную роль в творчестве Волошина, судя по тому насколько тщательно он продумывал структуру книг, а в поздние годы жизни в «Автобиографии» указывал, в каком порядке и составе должны быть опубликованы его произведения, распределив их по четырем книгам. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда «”поэт-автор” уступает место вдумчивому “поэту-составителю”», задача которого «выявить и, располагая стихотворения в определенной последовательности, подчеркнуть изначально заложенное в отобранных текстах единство»¹⁵.

Однако нужно отметить, что вопрос о структуре книги «Неопалимая Купина» вызывает большие трудности, так как книга не была опубликована при жизни автора и на протяжении нескольких лет подвергалась авторским правкам и изменениям, в результате чего окончательный текст отсутствует. Составители полного собрания сочинений в комментариях к книге указывают, что сохранился авторский макет неизданной книги «Неопалимая Купина», куда вошли стихи 1917-1919 гг., с пометой «Полный экземпляр», в этой редакции книга содержалось три раздела (1. Ангел мщенья; 2. Демоны глухонемые; 3. Неопалимая Купина), макет включал 37 стихотворений. Книгу издать не удалось, состав ее расширился. Позже Волошин включил в нее содержание двух ранее вышедших книг «Армагеддон» и «Демоны глухонемые». В архиве Волошина сохранилось несколько последующих планов книги «Неопалимая Купина». В одном плане содержится 45 стихотворений, в другом уже 54. В окончательный вариант книги вошло 80 произведений, написанных в период с 1914 по 1924 гг. В качестве основного текстологического источника книги сохранился

¹⁵ Лекманов О.А. Книга стихов: «Единство, ничего о себе не знавшее» // Книга об акмеизме. – Томск, 2000. – С. 268.

сборник, выполненный Е.А. Новской, по которому Волошин читал свои произведения гостям в Коктебеле. Но, как замечают составители, так как этот вариант не предназначался для печати, текст в нем упрощен и даже искажен: отсутствуют эпитафии, не упорядочено строфическое деление, поэтому для реконструкции «Неопалимой Купины» использовались другие источники¹⁶. В версии, вошедшей в полное собрание сочинений, из состава книги было исключено стихотворение «Хвала Богоматери», так как позже оно вошло в состав поэмы «Святой Серафим», что кажется не совсем оправданным, так как это нарушает структуру книги как целостной системы. Не была включена в состав книги и поэма «Святой Серафим», так как работа над ней затянулась. Однако содержание и образный строй поэмы «Святой Серафим» обнаруживает тесные связи с произведениями «Неопалимой Купины». Так, например, в ней содержится ключ к пониманию образов «распятых серафимов», помогающих обнаружить положенный в основу макросюжета книги соловьевский миф о Софии и пленной Душе Мира. Сюжетная линия поэмы сходна с поэмой «Протопоп Аввакум»: герои обоих произведений, Серафим и Аввакум, до земного воплощения были подобны «углю раскаленому», воплотившись же в человеческое тело, угасли. В письме к И.А. Бунину Волошин отмечал, что поэма о святом Серафиме должна составить диптих с «Протопопом Аввакумом»¹⁷. Так как образный строй стихотворения «Хвала Богоматери» и обеих поэм тесно связан с произведениями «Неопалимой Купины», в нашей работе мы рассматриваем их как составляющие книги. Несомненно, составителями собрания сочинений Волошина была проделана серьезная работа по реконструкции композиции книги, в ходе которой привлекались различные документальные источники. Поэтому мы будем пользоваться этим вариантом книги как наиболее авторитетным, однако расширим ее состав, включив два упомянутых выше произведения.

Помимо работ, посвященных анализу циклов в творчестве Волошина, особенно ценными для нас были исследования, в которых проводится анализ отдельных произведений, входящих в состав «Неопалимой купины». В кандидатской диссертации Н.Г. Арефьевой специальный раздел посвящен связям образов революционного хмеля и стихийного разгула с античным мифом о Дионисе¹⁸, к этой работе мы обращались при написании раздела, посвященного мотиву природной стихии. Религиозно-

¹⁶ Комментарии // *Волошин М.А.* Полн. собр. соч.: в 10 т. – М., 2003. – Т.1. – С. 507-511.

¹⁷ Волошин М.А. – В.Н. и И.А. Бунины от 7/20 ноября 1919 г. // *Волошин М.А.* Собр. соч.: в 13 т. – М., 2013. – Т. 12. – С. 273.

¹⁸ *Арефьева Н.Г.* Античные мотивы в творчестве М.А. Волошина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1999.

мистическому осмыслению революционных событий посвящена статья Н.Ю. Грякаловой «Революция в образах (Волошин и Амфитеатров)»¹⁹, в которой важное внимание уделено осмыслению судьбы русского царя в ключе евангельского сюжета об искуплении и античного мифа о Дионисе. Анализ ведущих мотивов и сюжетов в стихах Волошина о войне и революции проводится в работах М.В. Яковлева, особенно ценными для нас были статьи, посвященные образу Богородицы²⁰ и символике огня²¹. Библийские истоки, типология библийских и мифологических образов, рассмотрение творчества поэта в религиозно-мифологическом аспекте проводится в работах С.М. Заяца²², Э.С. Менделевича²³. Особенно важны для нас были работы С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова²⁴, А. Гибсона²⁵, Л.А. Иезуитовой²⁶, посвященные неканоническому осмыслению Волошиным образа Иуды. При анализе отдельных произведений мы обращались также к работам, в которых исследуются литературные реминисценции в произведениях Волошина, связи с произведениями Достоевского, Тютчева, Пушкина, Блока, здесь следует указать работы С.М. Пинаева²⁷, О.В. Темной²⁸, Анны-Мари Бассом²⁹, В.П. Купченко³⁰, В.А. Мамонтова³¹, Д.М. Магомедовой³². При анализе поэмы

¹⁹ Грякалова Н.Ю. Революция в образах (М.А. Волошин и А.В. Амфитеатров в 1905-1906 гг) // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII-XX вв.). – СПб.: Наука, 1997. – С. 251-262.

²⁰ Яковлев М.В. Образ Богородицы в поэзии М.А. Волошина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 6 (24) 2013. – Часть 2. – С. 216-221.

²¹ Яковлев М.В. Символика огня в поэзии М. Волошина // Вестник МГОУ 2006. – № 3. – С. 68-72.

²² Заяц С.М. Мифологические и библийские образы в поэзии Максимилиана Волошина в контексте его духовных исканий: автореф. ...канд. филол. наук: 10.01.01. – М. 2009.

Заяц С.М. Мифотворчество и религиозно-философские искания Максимилиана Волошина на перепутьях Серебряного века. – М., 2016.

²³ Менделевич Э.С. Религиозно-философские поиски М. Волошина // М.А. Волошин – поэт и мыслитель: Материалы Десятой междунар. научн. конф. – Симферополь, 2000. – С. 214-218.

²⁴ Гречишкин С.С., Лавров А.В. М. Волошин и А. Ремизов // Волошинские чтения. Сборник научных трудов. – М., 1981. – С. 92-104.

²⁵ Gibson A. The image of Judas in the Work of M.A. Voloshin // The Russian Review. – Vol. 57, No. 2 (Apr., 1998). – P. 264-278.

²⁶ Иезуитова Л.А. Три Иуды в русской литературе Серебряного века: Л. Андреев, М. Волошин, А. Ремизов // Исследования и материалы. – СПб.; Салерно, 2003. – С. 55-68.

²⁷ Пинаев С.М. Близкий всем, всему чужой... М. Волошин в историко-культурном контексте своего времени. – М.: РУДН, 2009.

²⁸ Темная О.В. Традиции Ф. Достоевского в творчестве М. Волошина // Вестник Запорожского национального университета. Филологические науки. 2002. – № 4. – С. 170-176.

²⁹ Ann Marie Basom. Destruction of the Spirit: War in Voloshin's "Drugu" and "Pushkin's "Arion" // Rocky Mountain Language Association. Rocky Mountain Review of Language and Literature. – Vol. 49. – № 2 (1995). – P. 119-137.

³⁰ Купченко В.П. Ф. Достоевский и М. Волошин // Достоевский Ф.М. – Л., 1988. – Вып. 8. – С. 203-217.

³¹ Мамонтов В.А. М.А. Волошин и В.Я. Брюсов // Учёные зап. Хабаровского Государственного педагогического института. – 1977. – Т.31. – С. 52-65.

«Протопоп Аввакум» и стихотворения «Написание о царях московских» ценны для нас были статьи, посвященные особенностям переработки Волошиным сюжетов древнерусских памятников – это работы О.Ф. Коноваловой³³, А.И. Мазунина³⁴, Р.Ю. Кучинского³⁵. Важна для нас была статья К.Ф. Тарановского, посвященная звукописи в стихотворении «Северовосток»³⁶. При написании раздела, посвященного образам Китежа, Петербурга и Петрограда в книге «Неопалимая Купина» полезны были работы Г.В. Петровой³⁷, А.Б. Шишкина³⁸, В.П. Купченко³⁹, в которых исследуется петербургская тема и особенности петербургского текста в творчестве Волошина. В ходе работы мы обращались и к исследованиям, посвященным особенностям осмысления Волошиным событий Первой мировой войны и революции – статьям Ю.Л. Епанчина⁴⁰, Е.И. Орловой⁴¹, Л. Спиридоновой⁴², Е.С. Мельникова⁴³. При выявлении оккультных истоков некоторых образов и идей мы обращались к работам В.П. Купченко и К. Азадовского⁴⁴, Т.А. Кошемчук⁴⁵. Полезны были также исследования, посвященные историософским воззрениям поэта – работы

³² *Магомедова Д.М.* Блок и Волошин (Две интерпретации мифа о бесовстве) // Московский пушкинист: Ежегод. сб. – М.: Наследие, 1995. – С. 251-262.

³³ *Коновалова О.Ф.* «Написание о царях московских» И. М. Катыерева-Ростовского в переложении М. А. Волошина // ТОДРЛ. – Л., 1979. – Т. XXXIII. – С 380-384.

³⁴ *Мазунин А.И.* Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // Труды отдела древнерусской литературы. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. XIV.

³⁵ *Кучинский Р.Ю.* «Житие протопопа Аввакума» в поэтических переложениях конца XIX - первой половины XX века: функционирование и жанровая специфика: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Владивосток, 2009.

³⁶ *Тарановский К.Ф.* «Звукопись» в «Северовостоке» М. Волошина // Анализ художественного текста. Лирическое произведение. – М., 2005. – С. 38-45.

³⁷ *Петрова Г.В.* К анализу стихотворения Волошина «Петербург (1915) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2012): в 2 ч. – СПб., 2013. – Ч.2: Литературоведение. – С. 177-184.

³⁸ *Шишкин А.Б.* Вяч. Иванов и сонет серебряного века // *Europa Orientalis XVIII* (1999), 2. – С. 221-270.

³⁹ *Купченко В.П.* Приобщение к Петербургу // *Нева*. – Л., 1982. – № 2. – С. 179-181.

⁴⁰ *Епанчин Ю.Л.* Над схваткой: Пацифизм как позиция христианского гуманизма (Максимилиан Волошин в годы Первой мировой войны) // Освободительное движение в России. Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2007. – Выпуск 22. – С. 140-145.

⁴¹ *Орлова Е.И.* М. Волошин и Первая мировая война // *Медиаскоп* (электронный журнал). – № 2 (2014).

Орлова Е.И. В годы "пылающего мира". Максимилиан Волошин // *Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2014*. – М.: МГУ, 2014. – С. 233-242.

⁴² *Спиридонова Л.* Постигание русской революции в творчестве М. Волошина // *Материалы Волошинских чтений 1991 года*. – Коктебель, 1997. – С. 41-56.

⁴³ *Мельников Е.С.* Историософские мотивы в творчестве М.А. Волошина // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика*. – М., 2017. – Т. 22. – № 2. – С. 228-236.

⁴⁴ *Азадовский К., Купченко В.* У истоков русского штейнерианства // *Звезда*. – 1998. – № 6. – С. 146-191.

⁴⁵ *Кошемчук Т.А.* О гетеанизме М.А. Волошина // *Серебряный век и философско-эстетические и художественные искания*. – Кемерово, 1996. – С. 62-69.

Е. Кузьмина⁴⁶, О.А. Дашевской⁴⁷, В.В. Чагиной⁴⁸. Особенности языка, художественного мира, системы образов творчества Волошина исследуются в работах И.А. Путенихиной⁴⁹, И.И. Ковтуновой⁵⁰, О.А. Змазневой⁵¹, И.В. Булгаковой⁵². Немалую важность в ходе работе представляли и труды общего характера, посвященные творческому пути Волошина, здесь следует указать работы С.М. Пинаева⁵³, В.В. Полонского⁵⁴, О.А. Казниной⁵⁵, И.В. Корецкой⁵⁶, И.Т. Куприянова⁵⁷, С. Наровчатова⁵⁸, Е. Эткинда⁵⁹.

Теоретической базой исследования стало понимание цикла и книги стихов как «такого типа текстопостроения, который позволяет автору воплотить какую угодно сложную систему взглядов в системе самодостаточных высказываний. При этом каждое из высказываний может быть и самостоятельно. Однако, попадая в системные отношения, в “макротекст” авторского цикла, оно, как писал А. Белый, “разительно меняет рельеф свой”, становясь элементом единого ансамбля»⁶⁰, при этом «любое изменение порядка расположения текстов в авторском цикле принципиально меняет логику развертывания целостности»⁶¹. Таким образом, книга стихов представляет собой жанровое образование, целостность которого зиждется на циклообразующих связях, как то: заглавие, композиция, сквозные сюжеты и образы-лейтмотивы.

⁴⁶ Кузьмин Е. Максимилиан Волошин: Мистическое измерение истории // Гуманитарная наука в России: перелом 1917 года: экзистенциальное измерение; [Под ред. О.А. Довгополовой, А.А. Каменских]. – СПб., 2017. – С. 21-39.

⁴⁷ Дашевская О.А. Историсофские идеи М. Волошина и Д. Андреева: миф о России // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. – Томск, 2005. – С. 20-40.

⁴⁸ Чагина В.В. Историсофские и психологические аспекты концепции России в поэзии Максимилиана Волошина: дис. ...канд. филол. наук 10.01.01. – Тверь, 2002.

⁴⁹ Путенихина И.А. Поэтическая эсхатология Максимилиана Волошина: автореф. ...канд. филол. наук 10.01.01. – Магнитогорск, 2000.

⁵⁰ Ковтунова И.И. Ключевые признаки мира в поэзии М. Волошина. – Владимир, 2009.

⁵¹ Змазнева О.А. Поэтический язык Максимилиана Волошина: дис. ...канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2003.

⁵² Булгакова И.В. Мир и человек в художественном сознании М. Волошина: дис. ...канд. филол. наук: 10.01.01. – Воронеж, 2002.

⁵³ Пинаев С.М. Близкий всем, всему чужой... М. Волошин в историко-культурном контексте своего времени. – М.: РУДН, 2009.

⁵⁴ Полонский В.В. Волошин // Православная энциклопедия. – М., 2005. – Т. 9. – С. 275-278.

⁵⁵ Казнина О.А. Максимилиан Волошин. Русская литература 1920-1930-х годов. Портреты поэтов: 2 т. – М., 2008. – Т. 2. – С. 213-270.

⁵⁶ Корецкая И.В. Максимилиан Волошин // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). – М., 2001. – С. 263-285.

⁵⁷ Куприянов И.Т. Формирование поэтической личности Максимилиана Волошина. – Киев, 1971.

⁵⁸ Наровчатов С. Предисловие // М. Волошин «Лики творчества». – Л., 1989. – С. 5-8.

⁵⁹ Эткинд Е. Максимилиан Волошин // История русской литературы: Серебряный век. – М., 1995. – С. 501-518.

⁶⁰ Фоменко И.В. Практическая поэтика. – М., 2006. – С. 132.

⁶¹ Там же. С. 134.

Методологическую основу исследования составили работы по теории и истории лирического цикла: М.Н. Дарвина⁶², И.В. Фоменко⁶³, О.В. Мирошниковой⁶⁴, Л.Е. Ляпиной⁶⁵, Р. Вроона⁶⁶, в которых сформулированы теоретические определения цикла и типы циклических связей, а также даны методологические установки к их анализу. Также важны для нас были работы Б.О. Кормана⁶⁷, С.Н. Бройтмана⁶⁸, С.Ю. Артемовой⁶⁹, посвященные анализу лирического произведения и типам лирических субъектов.

Целью исследования является анализ композиции, циклических связей и мотивно-образной структуры книги стихов М.А. Волошина «Неопалимая купина».

В соответствии с поставленной целью нам предстоит решение следующих **задач**:

1) Выявить смысл заглавия и проанализировать, как оно связано с текстами анализируемой книги и внетекстовыми источниками, так как заглавие служит «соединительным звеном между внетекстовыми рядами и текстом⁷⁰. «Общее для всего цикла заглавие одновременно и локализует ансамбль как единое высказывание, и играет роль ключевого понятия, смыслы которого развертываются во взаимодействии последовательно следующих друг за другом текстов. Именно заглавие превращает самодостаточные тексты в иерархическую систему (авторский цикл)»⁷¹.

⁶² Дарвин М.Н. Проблема цикла в изучении лирики. – Кемерово, 1983; Дарвин М.Н. Русский лирический цикл. Проблемы истории и теории. – Красноярск, 1988; Дарвин М.Н. Художественная циклизация лирики // Теория литературы. Роды и жанры. – М.: ИМЛИ, 2003. – Т. 3. – С. 467-515.

⁶³ Фоменко И.В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. – Тверь, 1992; Фоменко И.В. Практическая поэтика. – М., 2006; Фоменко И.В. Понятие «цикл» в литературном обиходе начала XX века // Проблемы истории и методологии литературоведения и литературной критики. – Душанбе, 1982. – С. 31-32.

⁶⁴ Мирошникова О.В. Ансамбль итоговых книг в русской поэзии: проблема метациклизации // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение. Материалы международной научной конференции. Москва – Переделкино, 15 – 17 ноября 2001 г. – М.: РГГУ, 2003. – С. 149-160.

Мирошникова О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века. – Омск, 2004.

Мирошникова О.В. Книга как художественное целое: различные аспекты анализа и интерпретации. – Омск, 2003.

Мирошникова О.В. Лирическая книга: архитектура и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX века). – Омск, 2002.

⁶⁵ Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе 1840-х – 60-х гг.: автореф. докт. филол. наук: 10.01.01. – СПб., 1995.

⁶⁶ Вроон Р. Лирический цикл. Теория литературы. Произведение. – М.: ИМЛИ РАН: 2011. – Т. II. – С. 126 -159. Vroon R. Cycle and History: Maximilian Voloshin's "Puti Rossii" // Scando-slavica. – Munksgaard, Copenhagen, 1985. - Tomus 31. – P. 55-73.

⁶⁷ Корман Б.О. Лирика Некрасова. – Ижевск, 1978.

⁶⁸ Бройтман С.Н. Лирический субъект // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М., 2008. – С. 113-114.

⁶⁹ Артемова С.Ю. Ролевая лирика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М., 2008. – С. 214

⁷⁰ Фоменко И.В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. – Тверь, 1992. – С. 90.

⁷¹ Фоменко И.В. Практическая поэтика. – М., 2006. – С. 134.

2) Подробно проанализировать первое и последнее произведения книги – цикл «Война», который начинается стихотворением «Россия», и поэму «Россия», – определяющие кольцевой характер композиции книги;

3) Изучить особенности субъектной организации произведений книги, выделить основные типы лирических субъектов;

4) Выявить, как соотносятся произведения книги с одноименным иконографическим образом Богоматери, вынесенным в заглавие;

5) Выделить и проанализировать ключевые образы и сюжеты книги.

Цель и задачи работы определили ее **построение**. Первая глава посвящена анализу композиции книги. В связи с большим объемом книги, мы отказываемся от детального анализа каждого цикла, а основное внимание уделяем произведениям, стоящим в начале и в конце. Книга имеет ясно выраженную кольцевую композицию, что проявляется в помещении одноименных произведений в начало и конец книги: начинается книгу стихотворение «Россия», заканчивает поэма «Россия». В связи с этим важное внимание нами будет уделено анализу начала и конца: начальному циклу «Война», куда входит стихотворение «Россия», и поэме «Россия», а также связям магистральных текстов с другими произведениями книги.

Вторая глава работы посвящена анализу мотивно-образной структуры книги. Мотивно-образный анализ текста способствует выявлению историко-литературных связей как отдельных произведений книги, так и ее частей, а также позволяет установить связь изучаемых текстов с предшественниками, современниками и широким культурно-философским контекстом литературы рубежа веков.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, приложения, в котором приводятся иллюстративные материалы к разделам, и списка литературы, состоящего из 368 наименований.

Методы исследования: циклический, мотивно-образный и историко-культурный анализ поэтического текста.

Основным материалом работы является книга стихов М.А. Волошина «Неопалимая Купина» в том варианте, как она представлена в первом томе собрания сочинений Волошина, изданного Пушкинским домом под ред. А.М. Лаврова. Однако в данную версию книги нами были внесены небольшие дополнения: стихотворение «Хвала Богоматери» и поэма «Святой Серафим», не включенные составителями в книгу «Неопалимая Купина», рассматриваются в составе книги, так как они мыслились

автором как часть книги. Также эти произведения содержат важные для книги идеи и образы.

Научная гипотеза работы заключается в следующем. Книга «Неопалимая Купина» представляет собой большую форму нового типа, поэмообразную структуру, в которой отразились различные грани авторского восприятия войны и революции. Целостность книги основывается на объединяющей роли ключевого образа, вынесенного в заглавие, структурообразующей роли магистральных текстов книги – стихотворения «Россия» и поэмы «Россия», сквозных образах и сюжетах. Микросюжеты каждого отдельного стихотворения выстраивают макросюжет книги.

Положения, выносимые на защиту:

1) Книга «Неопалимая Купина» является целым, слагающимся из отдельных автономных произведений, микросюжеты которых встраиваются в ведущие макросюжеты книги;

2) Связующую роль в книге выполняют повторы, сквозные образы и сюжеты, группировка стихотворений по тематическим группам;

3) Ведущим сквозным сюжетом, лежащим в основе всей книги, является гностический сюжет о Софии и пленной Душе Мира, томящейся в «искаженных обличьях тленного». Очевидным отражением этого сюжета является противопоставление должного с недолжным, идеального с искаженным, что проявляется в антиномичности сквозных образов : Китежа и Петербурга/Петрограда, личины и Лика (поэмы «Святой Серафим», «Протопоп Аввакум», стихотворения отдела «Личины»), Руси Святой и гулящей, плоти и духа (образ распятого серафима). Перечисленные антиномичные образы целесообразно рассматривать не по отдельности, а в их отношении к гностическому сюжету. Это положение подробно доказывается в разделах: «Распяты серафимы», «Китеж – Петербург – Петроград», «Икона “Неопалимая Купина” как источник сюжетов, образов и мотивов книги “Неопалимая Купина”»;

4) Помимо софиологического мифа, ведущая сюжетообразующая роль принадлежит мифу о бесовстве, находящему воплощение в образах разыгравшейся природной стихии, мотивах дробления и множественности, одержимости, а также в усмирении и заклании стихии в последнем разделе книги «Возношения». Подробно эти положения изложены в разделе «Мотив природной стихии»;

5) Книга имеет кольцевую композицию, что отражается в заглавиях произведений, стоящих в начале и в конце: стихотворении «Россия» и поэме «Россия».

Одноименные произведения тесно связаны друг с другом: в первом стихотворении задается основная цель книги – понять бытие России. Для осуществления этой цели лирический субъект обращается к историческому прошлому и настоящему России, проводит параллели между русской и французской революциями, героями Смуты и революционными типами. Поэма «Россия» представляет собой некий итог, здесь вновь дается обзор исторического прошлого, выявляется типологическое сходство разных исторических эпох, болезни, язвы общества. С этой целью в работе был проанализирован первый отдел книги «Война», частью которого является стихотворение «Россия» и поэма «Россия» в разделе «Кольцевая композиция».

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать ее материалы в университетских курсах по истории и теории литературы, а также для изучения поэтики циклических форм в поэзии Серебряного века.

Апробация работы проводилась на нескольких международных и всероссийских конференциях в Москве (международн. научн. конф. Студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2017», XXI всероссийск. научн. конф. с международным участием из цикла «Феномен заглавия» (РГГУ-ИМЛИ, Москва, 7-8 апреля 2017 г.), международная конференции "Связь времен: история искусств в контексте символизма" (РАХ, Москва, 16-18 ноября 2017 г.), межд. научн. конф. «Новозаветные образы и сюжеты в литературе и культуре русского модернизма» (ИМЛИ РАН, 21-23 ноября 2017 г.)) и в Коктебеле (XX Волошинские чтения (дом-музей М.А. Волошина, Коктебель, 23-29 мая 2017 г.)), а также на заседаниях отдела русской литературы к. XIX – н. XX вв. ИМЛИ, на научных семинарах на кафедре теоретической и исторической поэтики РГГУ.

Основное содержание работы

Первая глава диссертационного исследования *«Композиция книги “Неопалимая Купина”»* содержит три раздела.

Первый раздел посвящен анализу **структурообразующей роли ключевого образа «Неопалимой Купины»**, вынесенного в заглавие книги. В разделе выявляются внетекстовые источники заглавия, как ближайшие литературные, так и дальние, культурно-исторические, а также анализируется репрезентация образа «Неопалимой Купины» в произведениях книги: особое внимание уделено стихотворениям, в которых воспроизводятся сюжетные ситуации, связанные с образом «Неопалимой Купины» или

происходит его символическое осмысление, а также рассматриваются мотивы пламени и огня, тесно связанные с образом «Неопалимой Купины».

В качестве **литературных источников** заглавия выделяются 1) стихотворение В. Соловьева с тем же названием – «Неопалимая Купина», которое может рассматриваться как вполне возможный источник текста, так как образ НК, горящего, но не сгорающего «тернового куста», изображен здесь как образ народа Израильского, для которого тяготы египетского рабства, долгий путь скитаний являются огнем страданий, неспособным испепелить несгорающий куст. Образ Неопалимой Купины раскрывается у В. Соловьева как образ пространства, которое должно преобразиться, качественно измениться в будущем, стать незыблемым и вечным; 2) «Стихи о Прекрасной Даме» Блока, где Купина является наименованием Прекрасной Дамы, небесной возлюбленной, союз с которой осмысливался поэтом как соловьёвское «сочетанье земной души со светом неземным». Поэтому отношения между героем и героиней имеют космологическое значение. Ключевым образом, раскрывающим мифологию «Стихов о Прекрасной Даме», как было показано Д.М. Магомедовой, является образ луны. Наряду с возникающей здесь связью с гностическим лунарным мифом, нужно заметить, что лунарные образы в христианской традиции являются устойчивыми богородичными образами, о чем пишет Б. Успенский: «луна в христианской традиции символизирует Богородицу..., а Богородица может ассоциироваться с апокалиптическим образом “жены, облеченной в солнце”»⁷².

Дальние источники. Прежде всего название «Неопалимая Купина» отсылает к книге Исход, к явлению Бога Моисею в образе Неопалимой Купины. При помощи данной отсылки задается тема поисков верного пути, стремление к достижению земли обетованной. Эта тема особенно актуальна в период исторических потрясений. Прослеживается она и в ряде произведений книги, значимо уже название одного из циклов – «Пути России». Возникающая в сознании читателя отсылка к данному ветхозаветному эпизоду важна и тем, что сюжет с неопалимой купиной является моментом теофании: Бог является в Неопалимой Купине, осуществляется явление Бога в материи, что могло восприниматься как обожествление материи. Объятая огнем, она не сгорает, именно по этому признаку Неопалимая купина становится образом Богоматери. Другая неизбежно возникающая аллюзия – иконографический образ

⁷² Успенский Б.А. Солярно-лунная символика в облике русского храма // Крест и круг: Из истории христианской символики. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 233.

Богоматери, связь с ним произведений книги будет подробно проанализирована во второй главе настоящей работы.

Итак, с образом НК связаны следующие идеи: поиск верного пути, достижение земли обетованной, преобразование пространства через преобразование человеческой личности, обожествление материи, идея Богочеловечества.

Уяснив смысл образа, содержащегося в заглавии, необходимо перейти к **репрезентация образа заглавия в произведениях самой книги**. Прежде всего нужно обратиться к произведениям, раскрывающим значение заглавия непосредственно, где это сочетание «Неопалимая Купина» используется. Это стихотворение «НК», завершающее 3-ий отдел книги «Пути России», где оно является наименованием России и, будучи поставлено в конец того цикла, где главной темой являются гибельные и ложные пути России, представляет важное заключение-вывод: России ничего не страшно, все происходящее – пламень, от которого она не сгорит и не погибнет, ибо она «неопалима». Второе значимое стихотворение, раскрывающее другую грань содержания названия – «Похвала Богоматери», здесь сочетание НК употреблено по отношению к БМ, и таким образом является богородичным образом. Значимыми является в стихотворении обращение к Богоматери: «Цвет земли неувядаемый, / Персть, сияньем растворенная, / Глина, девством прокаленная, / Плоть рожденная сиять, / Тварь до Бога вознесенная, / Дискон солнца облаченная / На серпе луны взнесенная, / Приснодевственная мать»⁷³. Таким образом, Богоматерь становится у Волошина символом обновленного творения, софийного преобразования материи, к которому призван каждый.

Осмысление исторического процесса как софийного преобразования материи во многом связано в поэзии Волошина с образами угля и алмаза, точнее – с идеей претворения угля в алмаз. Одним из источников этих образов является статья В. Соловьева «Красота в природе» (1889). Однако, как замечает Д.М. Магомедова, у Соловьева ничего не говорится о возможности превращения угля в алмаз, эта мысль восходит либо к Ницше, у которого в книге «Так говорил Заратустра» алмаз обращается к углю со словами «Будьте тверды!»⁷⁴, либо отражает научные верования того времени, согласно которым превращение угля в алмаз возможно в результате его сильного нагревания. Путь страданий, катастроф, Голгофа, на которой распинается Россия, является для Волошина очистительной силой, тем, посредством чего

⁷³ Волошин М.А. Собр. соч.: в 13 т. – М., 2004. – Т. 2. – С. 99.

⁷⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М., 2012. – С. 192.

осуществляется преобразование материи: «Я же могу желать своему народу только пути правильного и прямого, точно соответствующего его исторической, всечеловеческой миссии. И заранее знаю, что этот путь – путь страдания и мученичества. Что мне до того, будет ли он вести через монархию, социалистический строй или через капитализм, – все это только различные виды пламени, проходя через которые перегорает и очищается человеческий дух»⁷⁵. Таким образом, огонь, представляющий у Волошина метафору страданий и мученичества, является той силой, что выплавляет некрасивый кусок угля, грубую материю в светоносный алмаз. Эти образы становятся ключевыми в стихотворениях «Благословение» и «Готовность». Уголь, не сгорающий в огне, но просветляющийся в его пламени и претворяющийся в светоносный несокрушимый алмаз уподобляется Неопалимой купине.

Раскрытие образа НК как образа человека осуществляется в поэмах «Протопоп Аввакум» и «Святой Серафим». Согласно поэмам, душа каждого человека подобна «углю раскаленному», который угас «в пепле плоти». Преобразование же человека подобно возгоранию угля, просветлению темной природы пламенем.

Таким образом, заглавие, получая опору в тексте, порождает множество значений и актуализирует свои внетекстовые культурно-исторические и литературные связи, что делает его циклообразующим фактором и циклообразующей связью: получая опору в тексте, оно становится структурной основой книги и развертывающейся авторской концепции, конденсировано выраженной в заглавии. Это тот случай, когда заглавие может быть определено как «свернутый текст», если использовать терминологию И.В. Фоменко⁷⁶. Итак, заглавие представляет собой и культурно-историческую аллюзию, и может быть рассмотрено как реминисценция из литературных произведений Блока и Соловьева. Подключая «авторский текст к тексту-источнику», оно не только расширяет и углубляет содержание книги, «но и указывает на конструктивную роль цитаты» в организации отдельных стихотворений⁷⁷.

Второй раздел посвящен **анализу цикла «Война»**. Основное внимание уделено именно этому циклу, так как в его состав входит начинающее книгу стихотворение «Россия», одноименное с поэмой, завершающей книгу. Таким образом, анализ первого цикла необходим для выявления кольцевой композиции книги. В данном разделе предпринята попытка линейного прочтения стихотворного цикла «Война» с целью

⁷⁵ Волошин М.А. Россия распятая // Собр. соч. – М., 2008. – Т. 6. Кн. 2. – С. 503.

⁷⁶ Фоменко И.В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика, Тверь, 1992. – С. 92-93.

⁷⁷ Там же. С. 90-91.

выявления макросюжета цикла, слагающегося из микросюжетов отдельных стихотворений. Задачей такого анализа является выявление логики развития сюжета цикла и того, как развиваются, наполняются новым смыслом повторяющиеся в стихотворениях мотивы. В первом стихотворении цикла «Россия» задаются темы: преимущества духовной победы над физической, мотив неутоленной веры, проблема теодицеи – оправдания происходящего, возвеличение и сакрализация в «нездешнем» плане внешне поруганной России, а также дается гносеологическая установка цикла: герой стремится постичь бытие своей Родины. В цикле можно проследить развитие сюжетной линии, связанной образом лирического героя, который проделывает путь от установки постичь бытие своей Родины (Дай слов за тебя молиться, / *Понять твое бытие*) (222)⁷⁸) к получению откровения о последствиях и финале происходящих событий. Целостность цикла основывается и на сквозных образах-лейтмотивах, или словах-остриях, на которых растянута ткань всего цикла. Здесь могут быть названы мотивы тоски, зерен и плевел, дьявольского сева, неутоленной веры и порыв героя спастись от воздействия трихин, влекущих к духовной гибели. Объединяющей в цикле является тема войны, все стихотворения представляют собой осмысление героем военных действий, стремление раскрыть духовные причины войны, узнать о ее последствиях и о том, к какому финалу ведут «великие шумы ратные».

Третий раздел первой главы посвящен **анализу кольцевой композиции** книги. Основное внимание уделено первому и последнему произведениям – стихотворению «Россия» и поэме «Россия». Выраженная в первом стихотворении цель лирического героя – постичь бытие своей Родины – предполагает субъектно-объектные отношения героя с миром, когда фокус внимания направлен не на характер лирического героя, а на то, что является предметом его изучения. Такая установка делает необходимым изображение познаваемого объекта, которое, однако, в силу лирической природы стихотворной книги, будет осуществляться через призму субъективно-авторского восприятия и авторской оценочности. Также, как отмечает А.Э. Зелинский, гносеологическая установка цикла подразумевает процесс накопления знаний и конечного их обобщения⁷⁹. Неслучайно книга заканчивается поэмой «Россия», где дается обзор петербургского периода русского государства, выявляются особенности национального характера, определившие ход русской истории. Анализ субъектной

⁷⁸ Здесь и далее цитаты из книги «Неопалимая купина» приводятся по изд.: *Волошин М.А.* Собр. соч.: в 13 т. – М., 2003. – Т. 1.

⁷⁹ *Зелинский А.Э.* Концепция искусства и проблемы лир циклизации в творчестве В.Я. Брюсова. // Брюсовские чтения 1983 года. – Ереван, 1985. – С. 35.

организации книги показал, что больше половины произведений книги являются повествовательно-описательными: более трети стихотворений (30 из 80) представляют собой повествование от третьего лица, около трети стихотворений (22) написаны от первого лица, но лирический субъект выполняет здесь роль голоса, точки зрения, основное внимание направлено на объект изображения, неудивительно, что основная часть многих стихотворений этой группы построена как повествование от третьего лица, субъект речи же зачастую появляется лишь в конце, причем чаще всего обнаруживает себя через обращения, притяжательные местоимения и личные формы глагола второго лица. Немалая часть стихотворений (11) написана от лица лирического «мы», символизирующего русский народ, что показывает не сугубо личный, а общенациональный характер изображаемого. Также в книге представлено 6 ролевых произведений, всего в 7 стихотворениях можно выделить лирического героя как главного объекта изображения, обладающего характером. Таким образом, в связи с главенствующей установкой книги, в большинстве произведений внимание читателя направлено не на того, кто говорит, а на то, что изображается. Задаваемая в первом стихотворении гносеологическая направленность книги определяет характер лирического субъекта большинства стихотворений: это, как правило, не лирический герой, а голос или повествователь. Ряд стихотворений представляет собой ролевую лирику или лирическую маску, где субъект речи является объектом изображения автора. Даже в стихотворениях, построенных от первого лица, в центре внимания оказываются не переживания лирического героя, а те события реального мира, которые им переживаются. Эмоциональный же настрой героя, модус художественности произведения – трагический, драматический – акцентирует внимание не столько чувствах героя, сколько на трагизме происходящего. Таким образом, начальное стихотворение, задавая основную цель книги – постижение бытия России, определяет и обосновывает доминирующие типы субъектной организации произведений. Изображая историческое прошлое и современность, герой не отделяет себя от происходящего, является голосом всего народа. Стихотворения с ролевым героем позволяют зазвучать голосам прошлого в настоящем, указать на повторяемость минувшего, на неизменность сущностных черт: Россией владеют все те же мятущиеся стихии, она больна все теми же духовными язвами, что и в XVII веке. В стихотворениях, где субъект речи является характером, лирический герой раскрывается как поэт и пророк своего времени, близкий автобиографическому автору. Субъект речи первого и последнего произведений, на наш взгляд, идентичны друг

другу. Если в первом стихотворении герой страстно стремился постичь Россию как тайну, находился в самом начале своего пути, то в последнем произведении он убежденно раскрывает сущностные черты России и русского характера, проявившиеся в событиях минувшей истории и недавнего прошлого. Таким образом, первое и последнее произведения книги соотносятся друг с другом как постановка цели и достижение этой цели, как намерение и результат. Одноименность же акцентирует внимание читателя на взаимосвязях обоих произведений, позволяющих выявить результативность финала книги.

Вторая глава работы посвящена **мотивно-образному анализу** произведений. Глава состоит из четырех разделов.

Первый раздел посвящен **анализу иконы «Неопалимая Купина» как источнику сюжетов, образов и мотивов книги «Неопалимая Купина».**

Икона «Неопалимая Купина» является результатом осмысления ветхозаветного события – явления Бога Моисею в образе несгорающего в пламени тернового куста – как пророчества о Деве Марии, неопалимо вместившей, подобно Купине, Того, Кто есть «огнь поядающий». В центре иконы изображена Богоматерь, в одной руке держащая лестницу Иакова, в другой младенца Христа. Изображение Богоматери заключено в восьмиконечную звезду, построенную из двух ромбических четырехугольников красного и зеленого (иногда синего) цветов, где зеленый символизирует куст, а красный – объявшее его пламя, также звезда может символизировать землю, объятую огнем. В лучах красного четырехугольника изображены символы четырех евангелистов, в зеленом – «ангелы распорядители стихий и исполнители воли Божией»⁸⁰. Как пишет Л. Воронцова, появление «ангелов стихий» было связано с христианизацией языческих представлений об устройстве мира: «Языческие понятия о боге молнии, грома и других природных явлений с принятием христианства, как известно, перенесены были на святых и ангелов. Точно также и Пресвятая Мария представляется властительницею над громом, молнией, мразом, дождем, а отсюда над плодородием и неурожаем земли»⁸¹. Также, представления об ангелах, управляющих стихиями, «заложено в Апокалипсисе, где говорится о четырех ангелах, держащих четыре ветра земли (7:1), об ангеле воды (16:5), об ангеле, которому дано было жечь людей огнем (16:8)»⁸².

⁸⁰ Воронцова Л. Икона Богоматери «Неопалимая Купина». – С. 76.

⁸¹ Там же. С. 77.

⁸² Там же.

По четырем углам иконы изображены ветхозаветные пророчества о Богородице. В верхний левый угол помещено явление Бога Моисею в образе НК. По объяснению Августина и Григория Назианзина, снятие Моисеем обуви символизирует отрешение от грехов, без чего христианин не удостоится предстать перед Богом⁸³. В правом верхнем углу изображен эпизод, отсылающий к шестой главе книги Исаяи – явление серафима, берущего клещами уголь и влагающего его в уста пророка со словами: «Вот это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» (Ис. 6:7). Клещи в христианской богословской мысли были осмыслены как прообраз Богородицы, уголь – Христа, таинства Евхаристии. В левом нижнем углу принято изображать видение врат затворенных пророку Иезекиилю, через которые может пройти только Христос. Врата затворенные в церковной гимнографии становятся прообразом Богородицы, непорочного зачатия ею Иисуса Христа. В правом нижнем углу изображается видение лестницы Иакова, ставшей прообразом Девы Марии, через которую, как по лестнице, Христос нисшел на землю.

В книге Волошина «Неопалимая Купина» нет прямых аллюзий на описанный выше образ Богородицы. Сочетание же «Неопалимая Купина» по отношению к Пречистой Деве используется лишь единожды в стихотворении «Хвала Богородице». Однако, как будет показано ниже, образы, имеющиеся на иконе, рассыпаны в произведениях книги. Таким образом, связи с данной богородичной иконой можно обнаружить на уровне художественных образов и мотивов. Попытаемся их выделить и в дальнейшем более подробно раскрыть. Значимыми для нас являются: 1) образы ангелов стихий; 2) символы четырех евангелистов (евангельские аллюзии в произведениях книги многократны); 3) отсылки к шестой главе книги Исаяи, а вслед за тем и к пушкинскому «Пророку»; 4) отсылки к книге пророка Иезекииля.

В произведениях книги «Неопалимая Купина» несколько раз возникают **образы ангелов**. В стихотворении «Над полями Альзаса» образу ангела даже дан эпитет, который указывает на его отношение к миру природных стихий: «Ангел *непогоды* / Пролил огонь и гром, / Напоив народы / Яростным вином» (225). Однако последующие строки стихотворения показывают, что слово «непогода» имеет не прямое, а метафорическое значение: «огнь и гром», проливаемые ангелом, соотносятся с библейским образом «вина ярости Божией». Пролитая ангелом чаша природных стихий приводит не к природным, а к духовным катаклизмам, порождает вражду,

⁸³ Там же. С. 65.

ненависть и войны между людьми. В подобном же значении слово «непогода» употреблено Волошиным в стихотворении «Под знаком Льва»: «Томимый снами я дремал, / Не чуя близкой *непогоды*» (224). «Близкая непогода» – события Первой мировой войны. Таким образом, непогода, природные стихии раскрываются здесь как образы военных действий, которые начались не произвольно, но потому, что Ангел «пролил огонь и гром», опрокинул чашу с вином «ярости Божией».

Образ ангела, управляющего природными стихиями, которые знаменуют губительные начала в человеке, соотносится с ангелами Апокалипсиса. Отсылки к действиям Ангелов Апокалипсиса, которые ниспосылают на землю бедствия, содержатся в стихотворениях «Пролог» и «Усталость». В «Прологе» действия, которые в Откровении выполняет пятый Ангел, совершает шестикрылый «Вестник», кидающий на землю ключи от земных бездн, отворившись, они низвергают тучи саранчи. Ключи от бездны, извергающей тучи саранчи, в тексте Откровения имеет звезда, падшая с неба на землю после того, как вострубил пятый Ангел. Таким образом, в тексте Откровения природные бедствия – нашествие саранчи ростом с человека, помрачение солнца и воздуха – вызваны падением объекта природного мира. Волошин же в «Прологе» изменяет сюжет Апокалипсиса, природные бедствия вызваны не падением звезды, но действием шестикрылого Вестника. У Волошина шестикрылый Вестник, напоминающий серафима, является распорядителем природных стихий, что позволяет соотнести его с ангелами стихий.

В стихотворении «Усталость» развернувшиеся войны оцениваются как действия Алого Всадника Апокалипсиса, который забрал с земли мир: «И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч» (Откр. 6:3-4). Предвидение же героем будущего мира описывается как окончание действий Алого Всадника: «*Братской распри* разомкнется круг, / Алый Всадник потеряет стремя, / И оружие выпадет из рук» (236). Образ непогоды, в предыдущих стихотворениях означающий разгул стихий не природного, а духовного плана, вражду, раздоры и войны, вписывает образ Алого Всадника Апокалипсиса в круг ангелов, распоряжающихся стихиями.

Таким образом, у Волошина образы природных стихий не пейзажны, а символичны: они знаменуют не природные, а апокалипсические стихии, действующие не в физическом, а в духовном мире. Таков образ «кровавого Ангела тамплиеров»⁸⁴ в

⁸⁴ Волошин М.А. Пророки и мстители // Собр. соч. – М., 2005. – Т.3. – С. 303.

стихотворении «Ангел мщенья», который подобно ангелу, проливающему вино ярости Божией, сеет в людях вражду, ненависть, жажду мести.

Приведенные примеры показывают, что природные стихии, образ «непогоды» обретают у Волошина символическое значение, знаменуют разрушительные силы духовного плана, вырвавшиеся наружу после того, как оковы самодержавия пали. Явления природного мира становятся образами иного, невещественного плана.

Для выражения губительности происходящих событий Волошин обращается к **евангельским сюжетам** об исцелении глухонемого бесноватого и бесноватого в стране Гадаринской в стихотворениях «Петроград» и «Русь глухонемая». Происходящее осмысливается как бесовство, как действие разрушительных губительных сил, вошедших в организм России. Но оба евангельских повествования заканчиваются исцелением бесноватых, происходит явление силы и правды Божией. Такой же положительный финал предрекает больному – России, лирический герой книги: «Да не смутится сей игрой / строитель внутреннего Града – / Те бесы шумны и быстры: / Они вошли в свиное стадо / И в бездну ринутся с горы» (Петроград), «А избранный вдали от битв / Кует постами меч молитв / И скоро скажет: – «Бес! Изыди!» (Русь глухонемая). Таким образом, использование евангельских сюжетов об исцелении бесноватых неизбежно связано с мотивом веры в благополучный исход событий русской революции и Гражданской войны.

Приближающиеся потрясения XX века воспринимаются поэтом как новая Голгофа. В связи с этим он обращается к евангельским событиям страстей Христовых. В книге возникают образы раздравшегося в скинии занавеса, Гефсиманской чаши, распятия. В стихотворении «Предвестия», написанном 9 января 1905 года, состояние потрясенности мира поэт сравнивает с распятием, когда после смерти Христа на кресте земля сокрушилась и завеса «разодралась надвое»: «Священный занавес был в скинии распорот: / В часы Голгоф трепещет смутный мир...». Однако происходящие события уподобляются не самим страстям Христовым, а стигматам, через образ которых в стихотворении «Русская революция» (1919) выражена идея всемирного служения. Подобно тому, как Христос принес себя в жертву для спасения всего человечества, Россия, созерцая социальные заболевания западных стран, приняла их губительные идеи как стигматы, несмотря на то, что, как считает поэт, в ней еще не сложилось условий для классовой вражды. Эти мысли выражены в образе «чаши чужих страданий», «чужих страстей, чуждого зла»: «Но да не минет эта чаша / Чужих страданий – наших уст», «Как некогда святой Франциск / видал: разверзся солнца диск

/ И пясти ног и рук Распятый / Ему лучом пронзил трикраты – / Так ты в молитвах приняла / Чужих страстей, чужого зла / Кровоточащие стигматы». Жертвенный подвиг России проявляется в том, что она на своем примере обнажает губительность западных идей справедливости, воздаяния и мести и таким образом, в отличие от Христа, Который есть непреложный идеал, становится отрицательным примером того, какими путями идти не следует. В этой плоскости Россия сближается не только с образом святого Франциска, но и с образом апостола Иуды, предательство и злодеяние которого, по мнению Волошина, сделало возможным спасение мира. В публичной лекции «Пути Эроса», прочитанной 27 февраля 1907 года в Московском литературно-Художественном кружке, Иуду Волошин трактует как образ материи, которая через высшее смирение физической природы, восходит к своей вечной прародине: «Вся гордость, вся мудрость и мощь законов, образующих и живящих материю, в лице Иуды принимает на себя великую жертву уничижения, смирения и позора, ибо подвиг Иуды – в его позоре и поругании»⁸⁵. Таким образом, Россия, вовлеченная в братоубийственные войны, предательства (Брестский мир) и раздоры, являет собой поруганную, униженную материю, которая через позор и уничижение причащается любви и жертве Христа.

Ведущими в книге являются образы посева, семени, сеятелей и жатвы, восходящие к евангельским притчам. Образы сеятелей возникают в стихотворениях «Газеты», «Посев», «Не ты ли», «Ангел мщенья». Намечаются два контрастных образа: «дьявольский сев» – «зерна плевел», ложные губительные идеи, разжигающие ненависть и вражду; и «Божий сев». Образы Божьего и дьявольского посева отсылают к евангельской притче о добром семени и о плевелах (Мф. 13:24-43).

Итак, евангельские образы, нравственные принципы и идеалы неминуемо сопровождают осмысление событий революции и Гражданской войны. Евангелие служит незыблемым нравственным ориентиром, помогающим не впасть в заблуждения лукавого времени, отличать истину от ее ложного подобия – зерна от плевел, а также является источником емких образов, позволяющих находить аналогии евангельских притч и событий в современности. В то же время, евангельские образы, встраиваясь в произведения книги, подвергаются и модернистской переработке, что наиболее ярко прослеживается на примере образа апостола Иуды, оправдание и возвеличение которого характерно для ряда произведений того времени.

⁸⁵ *Волошин М.А.* Пути Эроса // Собр. соч. – М., 2008. – Т. 6. Кн. 2. – С. 234-235.

Образ Богоматери на иконе «Неопалимая Купина» заключен в **восьмиконечную звезду**, составленную из красного и зеленого четырехугольников. Восьмиконечная звезда – емкий образ, содержащий важные христианские символы: звезды, числа восемь и символику пересечения красного и зеленого (синего) квадратов, знаменующую связь земного и небесного миров.

Нельзя не отметить сходства восьмиконечной звезды на иконе НК с символом розы ветров, обозначающим восемь ветров и восемь сторон света, четыре основных и четыре промежуточных (север, юг, запад, восток; юго-восток, юго-запад, северо-восток, северо-запад). С помощью Розы ветров выявляют направление господствующего ветра. Таким образом, с розой ветров связана тема ветра и его направления. Думается, неслучайно в книге «Неопалимая Купина» стихотворение Волошина, центральным образом которого является ветер, носит название «Северовосток». Таким образом, определяется характер ветра: «выстуженный северовосток» (335). Немаловажным является тот факт, что северное направление Розы ветров на компасе часто обозначалось с помощью лилии – цветка, традиционно символизирующего Деву Марию⁸⁶, что связано прежде всего с тем, что именно на севере находится Полярная звезда – Maris Stella (Звезда морей), также именуемая Звездой Марии. Полярную звезду принято считать звездой Богородицы. Так как Звезда неподвижна, ее часто используют как точку небосвода, помогающую ориентироваться на местности, определять стороны света. Вследствие того, что звезду было принято связывать с образом Богоматери, с раннего Средневековья Пречистую Деву почитают как морскую путеводную звезду. Такая связь образа Богоматери с Полярной звездой и с севером была очевидна для Волошина, в «Гностическом гимне Деве Марии» именующего Ее «Звездой над морями»: «Марево-Мара, / Море безмерное, / Амог-Мариа — / Звезда над морями!» (87). Созвучие имени Марии с морем Волошин считает символичным, в море он видит образ мирового Хаоса⁸⁷. Однако, будучи связана созвучием имени с морем, Хаосом, Мария в то же время является Полярной звездой, дарующей спасение и избавление от Хаоса, а значит, указующей путь к космической гармонии. Полярная звезда стоит в зените именно на севере. Таким образом, Богоматерь является путеводной звездой России – страны севера, ее покровительницей и ходатаицей. Образ Богоматери как покровительницы «родной земли» и путеводной «незакатной звезды» раскрывается в стихотворении «Хвала Богоматери».

⁸⁶См, например: «Радуйся крине райского прозябения...» (крин (ц-сл.) – «лилия»).

⁸⁷ Волошин М.А. Пути Эроса // Собр.соч. – М., 2008. – Т. 6. Кн. 2. – С. 232.

Противоборство двух начал в человеке и мире – одна из ключевых тем в произведениях «Неопалимой Купины». Ведущей она является и в поэме «Протопоп Аввакум», главный герой которой изображен как «уголь раскаленный», облеченный в «пепел плоти»: «Был же я как уголь раскаленный и, пеплом собственным одевшись, был низвержен в хлябь внешнюю»; и в стихотворении «Неопалимая Купина»: «...в каждом / Стенке – святой Серафим». Нельзя не обратить внимание на связь этой темы с символикой иконы, где **пересечение красного и зеленого квадратов**, из которых слагается восьмиконечная звезда, знаменует объятый пламенем куст. Таким образом, пересечение квадратов может быть осмыслено как земля, объята огнем или пронизанная светом, и как Божественное под «грубою корою вещества».

Для книги «Неопалимая купина» оказывается очень важен **сюжет из шестой главы Исая, изображенный на иконе**. Элементы этого сюжета, равно как и отдельные образы, рассыпаны в произведениях книги. Это и образы пламенного Серафима, и «угля раскаленного», с которыми связаны мотивы преображения, обретения новой природы и духовного прозрения, а также образ поэта-пророка, являющегося главным лирическим героем книги, и мотив томления «духовной жаждой», отнесенный не только к говорящему, но ко всему человечеству.

Важна в книге «Неопалимая купина» и отсылка к **образу пророка Иезекииля**. Образ пророка Иезекииля возникает в последнем цикле «Возношения» в стихотворении «Видение Иезекииля». Однако предметом изображения становится видение, противоположное тому, которое изображено на иконе. Если на иконе «Неопалимая Купина» Иезекииль видит «врата затворенные», символизирующие непорочность Богоматери, то главным образом стихотворения «Видение Иезекииля» становится земля-блудница, поруганная, опозоренная и обличаемая Богом: «Между соседей рождая усобья, / Стала распутной – ловка и хитра...» (357). Содержание стихотворения восходит к другой части книги пророка Иезекииля – обличительным речам Бога к Израильскому и Иудейскому царствам, уклонившимся в язычество, религиозная измена которых сравнивается с блудодеянием. Таким образом, видение на иконе и видение в книге противоположны друг другу. Такое противопоставление, думается, неслучайно. Земля в образе блудницы является искаженным обликом, личиной: земля, призванная быть праведной, уклонилась от истины, стала распутной. Двоящийся образ земли – святой, по замыслу Господню, и распутной в наличном настоящем – обнаруживает близость с сюжетом гностического мифа о Мировой Душе, томящейся в «искаженном облике тленного», попавшей в плен материи и с тех пор

еще глубже павшей. Несоответствие и противопоставление видений на иконе и книге делает осмысление образа земли в духе гностического мифа еще более явным. Итак, образ блудницы из книги пророка Иезекииля встраивается гностический сюжет о Софии и пленной Мировой Душе.

Сопоставительный анализ одноименных иконы и книги показывает, что образы, имеющиеся на иконе, рассыпаны в произведениях книги «Неопалимая Купина», где можно обнаружить как элементы сюжетов, изображенных на иконе, так и отдельные мотивы, связанные с иконописным изображением.

Второй раздел посвящен анализу образа «распятых серафимов» и комплексу связанных с ним мотивов.

Выражение «распятые серафимы» содержит две важные лексемы: «распятые» и «серафимы». «Распятые» связано, с одной стороны, с крестными муками Христа и Его искупительной жертвой, с другой стороны, с дохристианским значением креста как символа соединения земного и небесного, божественного и человеческого, о дохристианской и христианской символике креста М.А. Волошин подробно рассуждает в статье-лекции «Пути Эроса». Образ «серафимов» на рубеже веков обретает широкий круг ассоциаций: это и ангелы – огненные шестикрылые серафимы; и ангел из шестой главы книги Исайи, вложивший горящий уголь в уста пророка со словами: «Беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен»; и пушкинский шестикрылый серафим, преобразивший поэта в пророка, наделивший его вещим знанием; и Серафим Саровский – особенно почитаемый и пользовавшийся особым интересом в этот период святой, что во многом связано с его канонизацией в 1903 году. Вместе с тем, сочетание обоих этих составляющих, «распятые» и «серафимы», отсылает к сцене стигматизации святого Франциска, когда основатель ордена францисканцев узрел распятого Христа в серафическом облике. Таким образом, мотив стигматов, несколько раз повторяющийся в книге, тесно связан с образами «распятых серафимов». Однако значение образа не исчерпывается и этим. Как показал анализ текстов, через этот образ находит воплощение гностический миф о пленной Мировой Душе и идея софийной богоподобной природы каждого человека. По нашему убеждению, таковому осмыслению образа во многом способствовало обращение к иконографии и религиозной живописи. В работах Джотто, а затем и на иконе «Ты еси иерей», в образе «распятого серафима» важное значение имеет изображение двуприродности: через серафические крылья показано зримое соединение материального человеческого и огненного, божественного. Этот контраст двух природ

оживает в русском изобразительном искусстве рубежа веков. В работах Васнецова и Котарбинского шестикрылые серафимы обретают черты двуприродности: лики телесного цвета сочетаются с огненно-красными крыльями. В русской же иконографии серафическое осмысляется не только как ангельское, но и как софийное преображение плоти, что наиболее явно обнаруживается на иконе «Софии, Премудрости Божией», где София, – под которой разумеется преображенное человечество, мир, каким он является в замысле Бога – предстает в образе огнеликой женщины с пламенными серафическими крыльями. Таким образом, изображения русской иконописи и религиозной живописи на рубеже веков переосмысливаются и встраиваются в столь значимый для В. Соловьева и символистов гностический миф о Софии и пленной Мировой Душе. Осмысление же образа «распятого серафима» через призму гностического мифа о пленной Душе Мира подключает к нему и такие важные для книги «Неопалимая Купина» образы как блудница, святая и юродивая, а также противопоставление недолжного, неистинного, искаженного обличья и истинного, светоносного облика – личины и Лица.

Третий раздел работы посвящен мотиву природной стихии.

В произведениях Волошина о войне и революции сквозным является мотив природной стихии: происходящие события осмысливаются как губительное вихревое кружение, как порывы буйного ветра, как освободившаяся из оков самодержавия народная стихия. Важное значение здесь имеет античный миф о Дионисе, вводящий тему стихийного разгула, опьянения, хмеля, а также русский национальный миф о бесовстве. В произведениях Волошина можно проследить следующую эволюцию: для более ранних произведений, посвященных первой русской революции 1905 года и Французской революции, характерно обращение к мифу о Дионисе, в произведениях же, написанных, во время и после Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны, на первый план выступает национальный миф о бесовстве и евангельские сюжеты об исцелении бесноватых.

Через связь с Пушкиным, Достоевским и Блоком мотив природной стихии получает в книге Волошина следующие воплощения:

1) С одной стороны, через него находит выражение пушкинский «миф о бесовстве», происходящие события осмысляются как бесовская пляска, губительное вихревое кружение, сбившее с верного пути, здесь закономерно возникают мотивы дороги и поисков верного пути. Особенно значима здесь связь с «Бесами» и «Капитанской дочкой» Пушкина;

2) Стихия, вырвавшаяся на волю из сковывавших ее гранитных стен («Медный Всадник») осмысляется как освободившаяся из оков цивилизации народная стихия. В результате наложения на этот пушкинский по происхождению образ евангельского текста и романа Достоевского «Бесы», освободившаяся стихия становится воплощением вырвавшихся наружу болезней, язв общества, «накопленных за века», которые сравниваются с вышедшими из одержимого бесами, вселившимися в стадо свиное и бросившимися в море;

3) Осмысление стихийного разгула как испытания, являющегося осуществлением «замысла Господня», и вера в возвращение России на истинный путь и в будущее врачевание её духовных болезней. Такое понимание стихии отсылает к повести «Метель» Пушкина и словам Степана Трофимовича в финале «Бесов».

Четвертый раздел работы посвящен **анализу пространственной триады «Китеж – Петербург – Петроград»** в книге «Неопалимая Купина».

В книге «Неопалимая Купина» отчетливо прослеживается пространственная триада «Китеж – Петербург – Петроград», являющаяся выражением историософских воззрений поэта, знаменующая исторические пути России. Доминирующей в этой триаде являются темы и образы, связанные с Петербургом. Осмысливая имперский период русской истории, Волошин обращается к устойчивым в русской литературе темам, характерным для «петербургского текста».

Пространственная триада представляет своего рода хронотоп, который включает три пространства, соотносимые с тремя историческими эпохами: Древняя Русь, Петербург – период «революционного самодержавия» и Петроград – события русской революции, оцениваемой поэтом как «революция снизу». Эти три пространства, сменяющие друг друга в хронологической последовательности, представляют градационный ряд, организованный по принципу отдаления от «Града Божия». Смена исторической эпохи и следующая за этим изменением смена пространства является следствием того, что предшествовало этому изменению, «многое старое, давно знакомое является лишь в новом обличье»⁸⁸: «Грядущее — извечный сон корней: / Во время революций водоверти / Со dna времен взмывают старый ил / И новизны рыгают стариною» (377). Петроград, являющийся конечной стадией перехода, представляет наивысшую степень отдаленности от идеала, полярную точку по отношению к граду Китежу. Антитеза «Китеж – Петроград»

⁸⁸ Бердяев Н. Духи русской революции // «Из глубины». Сб. ст. о русской революции. – М., 1990. – С. 56.

является последующим видоизмененным противопоставлением ряда «Китеж – Петербург», характерным для русской литературы XIX – начала XX вв. В середине XIX в., после «Медного всадника» А.С. Пушкина, в русской литературе начинает доминировать темная сторона Петербурга, наиболее ярко проявляющаяся в произведениях Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и физиологических очерках. Как было отмечено К. Бланк, «на этом литературном фоне в середине XIX века в литературных кругах возникает интерес к мифологическому образу Китежа, созданному старообрядцами». Легендарный Китеж начинает выступать как противоположность Петербурга. Впервые старообрядческая легенда получает литературную обработку в романах П.И. Мельникова-Печерского. В начале XX века продолжает доминировать мрачный, мистический, гибельный лик Петербурга, который в творчестве символистов приобретает апокалиптические черты, становится городом призрачным, воздействующим разрушительно. Спастись от его гибельного действия можно лишь убежав в иную реальность. Этой духовной спасительной реальностью становится Китеж, к образу которого обращаются многие поэты и писатели Серебряного века: Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Клюев, С. Есенин.

Как отмечают исследователи, в литературе Серебряного века легенда о граде Китеже из народного мифа превращается в культурный⁸⁹, складывается так называемый «китежский текст» начала XX века, помимо народной легенды вобравший в себя религиозные искания времени и соловьевские идеи о преображении космоса и пространства через индивидуальное преображение личности. Как писал сам Волошин в лекции «Россия распятая»: «Сквозь дыбу и застенки, сквозь молодецкую работу заплечных мастеров, сквозь хирургические опыты гениальных операторов выносили мы свою веру в конечное преображение земного царства в церковь, во взыскуемый Град Божий, в наш сказочный Китеж – в Град Невидимый, – скрытый от татар, выявленный в озерных отражения Светлояра»⁹⁰. Таким образом, использование

⁸⁹ Карлсон И. Невидимый град: Легенда о граде Китеже и русская литература конца XIX — первой половины XX века. – Göteborg: Göteborgs Universitet, 2007. – С. 98.

Пащенко М.В. Проблема «китежского текста» и «Инония» Есенина // Вопросы литературы. – 2011. – № 2. – С. 7.

Шешунова С.В. Град Китеж в русской литературе: парадоксы и тенденции // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2005. – Т. 64. № 4. – С. 16.

Кнорре Е.Ю. Образ идеальной революции: «Китежский текст» в творчестве М. Пришвина, С. Есенина, Н. Клюева в период революции и Гражданской войны // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – С. 247-248.

⁹⁰ Волошин М.А. Россия распятая // Собр. соч. – М., 2008. – Т. 6. Кн. 2. – С. 492.

антитезы «Китеж – Петроград» М. Волошиным восходит к традициям русской литературы второй половины XIX – начала XX вв.

... Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи крест, на выю трон.
На дне души гудит подводный Китеж —
Наш неосуществимый сон! («Китеж», 281).

Знаменательна в приведенных строках своеобразная трансформация китежской легенды: город праведников скрыт не на дне озера Светлояр, а на дне души, темная сторона которой, таким образом, уподобляется личине, скрывающей светлый богоподобный лик. Сравнение темной природы человека с «глубинами темных вод» отсылает к поэме «Святой Серафим», где говорится, что старец видел в человеке сквозь весь слой дорожной пыли «Божий Лик в глубинах темных вод»: «И с души весь слой дорожной пыли / Отряхнет и зеркало протрет, / Чтоб земные души отразили / Божий Лик в глубинах темных вод»⁹¹. Образ гудящего на дне души Китежа является своего рода парафразом строк, звучащих в начале стихотворения «Китеж»: «Святая Русь покрыта Русью грешной». Таким образом, здесь возникает устойчивый для книги мотив темного плена материи и томящегося в темнице светлого начала, противопоставление Лика и омрачающей его личины, что характерно для мифа о Софии. Итак, перед нами вновь возникает софиологический сюжет о томящейся в плену материи Душе Мира, китежская легенда прочитывается, таким образом, в софийном ключе. Противопоставление плена материи и Души Мира накладывается на классическую для русской литературы антитезу «Китеж – Петербург/Петроград». Петербург предстает здесь как творение злого Демиурга, темница, личина, скрывающая томящийся в глубине светлый Лик.

Образ Китежа, как Града Божия, укрытого на дне души человеческой, отсылающий к евангельским словам Христа: «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21), раскрывает также космологическое значение человека, через перерождение которого осуществляется перерождение вселенной. Понимание личного дела человека как общего дела всего мира близко соловьевскому взгляду на то, каким образом должна быть достигнута конечная цель истории – софийное преображение мира. Наиболее ясно эта мысль философа звучит в работе «Смысл любви»: «Наше перерождение неразрывно связано с перерождением вселенной, с преобразованием ее

⁹¹ Волошин М.А. Святой Серафим // Собр. соч. – М., 2004. – Т.2. – С. 115.

форм пространства и времени. <...> Наше личное дело, поскольку оно истинно, есть общее дело всего мира – реализация и индивидуализация всеединой идеи и одухотворение материи»⁹².

Опора на петербургский текст русской литературы в произведениях Волошина несомненна. В изображении Петербурга как мрачного, демонического, призрачного города, а его создателя как антихриста и безумного Демиурга, Волошин близок староверческому изводу «петербургского» текста. В русле этой же старообрядческой традиции закономерным является и обращение к образу Китежа, который понимается Волошиным не как реально-историческое пространство, а как категория духовная, как тот идеальный образ, который существует в замысле Бога и с которым должна совпасть Русь в конце времен, осуществив тем самым конечную цель исторического процесса. Китеж как категория духовная противопоставляется призрачному и демоническому Петербургу – творению безумного Демиурга, а затем и злему, беснующемуся Петрограду. В изображении темной стороны Петербурга несомненна опора не только на пушкинского «Медного всадника», но и ряд других текстов XIX века. Туманы, марева, искусственный и умышленный дух Петербурга, призрачные «маниакальные» идеи, заражающие человека, становятся «общим местом» и в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя, и в романах Ф.М. Достоевского, А. Белого и др. При этом установить генетическое преемство с конкретными текстами не представляется возможным, поскольку классические произведения русской литературы, в которых сформировался устойчивый образ Петербурга и его создателя, вводятся как общий фон, воспринимаемый как «единый текст». Как отмечала З.Г. Минц, именно в начале XX века «пестрое наследие XIX века» было превращено в «петербургский текст»⁹³. Основные черты «петербургского текста» и то, как какое продолжение и историософское значение было им получено в произведениях Волошина было рассмотрено в данном разделе работы.

Основные выводы

Итак, нами была проанализирована композиция и мотивно-образная структура книги стихов М.А. Волошина «Неопалимая Купина».

Важную структурообразующую роль в книге выполняет заглавие, содержащее ключевой образ и отсылающее к известному ветхозаветному сюжету, а также к

⁹² Соловьев В.С. Смысл любви // Собр. соч.: в 2 т. – М., 1988. – Т.2. – С. 540.

⁹³ Минц З.Г. Петербургский текст и русский символизм // Поэтика русского символизма. – СПб., 2004. – С. 104.

одноименному иконографическому образу Богоматери. Образ Неопалимой купины становится в книге символом несокрушимости и незыблемости России, а также, отсылая к ветхозаветному видению Моисеем Бога в терновом кусте, олицетворяет явление божественного в материи, преобразование пространства и человека. В книге Волошина «Неопалимая Купина» нет прямых аллюзий на одноименный иконографический образ Богоматери. Сочетание же «Неопалимая Купина» по отношению к Пречистой Деве используется лишь единожды в стихотворении «Хвала Богоматери». Однако образы, имеющиеся на иконе, рассыпаны в произведениях книги, связи с данной богородичной иконой можно обнаружить на уровне следующих художественных образов и мотивов: 1) образов ангелов стихий; 2) евангельских аллюзий (на иконе изображены символы четырех евангелистов); 3) образы поэта-пророка и шестикрылого серафима, отсылающие к шестой главе книги Исаяи, а вслед за тем и к пушкинскому «Пророку»; 4) образы книги пророка Иезекииля. В книге можно обнаружить как элементы сюжетов, изображенных на иконе, так и отдельные мотивы, связанные с иконописным изображением.

Книга имеет четко выраженную кольцевую композицию, проявляющуюся в одноименности первого и последнего произведений. Первое стихотворение задает направление, в котором будет двигаться герой на протяжении всей книги, стремясь постичь особенности русского характера и бытие своей родины. Если в первом стихотворении герой страстно стремился постичь Россию как тайну, находился в самом начале своего пути, то в последнем произведении он убежденно раскрывает сущностные черты России и русского характера, проявившиеся в событиях минувшей истории и современности. Таким образом, первое и последнее произведения книги соотносятся друг с другом как постановка цели и достижение этой цели, как намерение и результат. Одноименность же акцентирует внимание читателя на взаимосвязях обоих произведений, позволяющих выявить результативность финала книги. Гносеологическая установка начинающего книгу стихотворения определяет виды субъектной организации большинства последующих произведений: так как внимание героя направлено на познание мира, объектом изображения является не внутренний мир лирического героя, а внешние события и историческое прошлое. Отсюда большинство произведений книги представляют собой повествования от третьего лица, субъект речи же чаще всего является голосом.

Произведения книги объединяются сквозными образами-остриями, на которых держится целостность всей книги. Как было показано в разделах второй главы,

ведущим сквозным сюжетом, раскрытию которого служат повторяющиеся в произведениях книги образы и идеи, является гностический сюжет о Софии и пленной мировой Душе. Так, важные для книги образы Неопалимой купины, распятых серафимов, «угля раскаленного» и алмаза, природной стихии, земли-праведницы и земли-блудницы, Китежа и Петербурга/Петрограда отражают характерную для гностического мифа антиномию света и тьмы, духа и материи, личины и томящегося под искаженными обличиями тленного Лица. В отношении к ведущему макросюжету книги образ распятого, попавшего в плен материи серафима оказывается синонимичен образам «угля раскаленного», угасшего в «пепле плоти», и града Китежа, олицетворяющего «Святую Русь», покрытую «Русью грешной», воплощением которой становятся Петербург и Петроград. Таким образом, не только человек, но и земля имеет личину, замутняющую ясный Лик. Китежская легенда прочитывается, таким образом, в софийном ключе. Противопоставление плена материи и Души Мира накладывается на классическую для русской литературы антитезу «Китеж – Петербург/Петроград». Петербург предстает здесь как творение злого Демиурга, темница, личина, скрывающая томящийся в глубине светлый Лик. События же революции и Гражданской войны, с одной стороны, раскрывают темные страшные стороны русской души, показывают, насколько далеко личина отстоит от лица, с другой стороны, осмысливаются как огонь страданий, прокаляющий темноту угля до «алмазного закала», переплавляющий род людской в новое обновленное человечество. Таким образом, ведущими в книге является миф о пленной мировой Душе, а также мотивы ее ожидаемого освобождения и софийного преображения. Обращение же к образам исторического прошлого – Стеньки Разина и Дмитрия Самозванца, а также описание революционных типов: большевика, буржуя, красногвардейца, спекулянта, олицетворяющих темные личины России, раскрывает повторяемость истории и неизменность сущностных черт российского государства.

Итак, книга «Неопалимая Купина» представляет собой большую форму нового типа, поэмообразную структуру, в которой отразились различные грани авторского восприятия русской истории, событий Гражданской войны и революции. Целостность книги основывается на объединяющей роли ключевого образа, вынесенного в заглавие, структурообразующей роли магистральных текстов книги – стихотворения «Россия» и поэмы «Россия», сквозных образах и мотивах. Дабы избежать обширного набора разнородных значений, сквозные мотивы важно было рассмотреть не по отдельности, а в их отношении к сюжетной схеме гностического мифа о Софии.

Важным в изучении поэтики книги является также ритмический анализ тестов, изучение семантического ореола метра. В связи с объемом книги, подробный системный анализ ритма и метрики поэтических текстов отсутствует в нашем исследовании. Однако данная сторона анализа может стать перспективным направлением в дальнейшем изучении книги.

Публикации в изданиях из списка ВАК:

1. *Тинникова А.С.* Структурообразующая роль заглавия в книге М.А. Волошина «Неопалимая Купина» // Новый филологический вестник. 2017. № 1 (40). С. 93-104.
2. *Аристова (Тинникова) А.С.* Образ природной стихии в книге М.А. Волошина «Неопалимая Купина» // Новый филологический вестник. 2017. № 1 (40). С. 123-136.
3. *Аристова (Тинникова) А.С.* Об образе «распятых серафимов» в книге М.А. Волошина «Неопалимая Купина» // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 5-16.

Публикации в других изданиях:

1. *Аристова (Тинникова) А.С.* Бунин и Волошин: К истории взаимоотношений // Литературный факт. 2017. № 6. С. 267-280.
2. *Аристова (Тинникова) А.С.* Мотив огня в книге М.А. Волошина «Неопалимая Купина» // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 4 (8). С. 46-57.